

ковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утренняя или вечерняя, на части разобранна, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаются...

„Вельми срамное и сіе обрѣталоса (какъ скажутъ): молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать. Для памяти сіе пишется, чтобъ иногда отвѣдать, еще ли сіе дѣется. Но здѣ не нужда исчислять вся неправости, словомъ рещи что либо именемъ суевѣрія нарешиася можетъ, си есть лишнее, ко спасенію не потребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ прельщающее, и аки снѣжные заметы, правымъ истины путемъ идти возбраняющее“¹⁾.

Эта явная антипатія къ народной вѣрѣ въ чудесное, склонность объяснять происхожденіе народныхъ суевѣрныхъ преданій намѣреннымъ вымысломъ лицемѣрныхъ людей, находившихъ въ томъ «свой интересъ» (что, правда, нерѣдко и бывало)—все это черты чисто раціоналистическія.

Прямымъ продолженіемъ взглядовъ Петровскаго времени была и дѣятельность Ломоносова. Онъ былъ человѣкъ религіозный, но и въ большой степени раціоналистъ: научная истина и вмѣстѣ практическая польза были постоянной мыслью его трудовъ не только ученыхъ, но нерѣдко и поэтическихъ. Онъ столько же, какъ составители «Регламента», зналъ обиліе невѣжества въ русской жизни, подозрительное недовѣріе и вражду къ наукѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ объяснялъ права науки и пользу знанія и сожалѣлъ о недостаточности этого знанія въ русскомъ народѣ. Нѣтъ надобности приводить много примѣровъ, — болѣе или менѣе извѣстныхъ; ограничимся двумя-тремя указаніями. По поводу астрономическаго явленія (прохожденія Венеры черезъ солнце), наблюдавшагося въ академіи въ 1761 г., онъ защищаетъ науку отъ подозрѣній невѣжества и рассуждаетъ о согласіи естествознанія съ религіей, обращаясь къ «благоразумнымъ и добрымъ людямъ», приводя слова Евангелія, ссылаясь на исторію науки и на Василия Великаго. Религія и наука, каждая имѣютъ свою область. Богъ далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величіе, въ другой — свою волю; первая — видимый міръ, по которому человѣкъ можетъ познать Божіе всемогущество «по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія»; вторая — священное писаніе. Истолкователи послѣдняго — великіе церковные учителя; а что касается до перваго, то «въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій

¹⁾ Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Спб. 1869, т. I, стр. 6—7.